

Роды и воспитание детей в русской деревне

Рождение детей было делом чаще всего обыденным. Количество детей в семье регулировалось только высокой детской смертностью. Поэтому и к смерти ребенка относились гораздо спокойнее: «Бог дал – Бог взял». А. Ф. Окунева (1909) рассуждает сейчас об этом так: «Замуж раньше выходили рано, на восемнадцатом году. Говорили: «Этот товар не держат». Свекровка никуда не отпускала, без спросу за огород не выйду. Хлеб только свекровь пекла. А совсем старые старухи с ребенками сидели. В деревне жили женщины, ничего не знали, только детей рожали. Которого в хлеве, которого на молотье. Раньше ничего дошлого не знали (противозачаточного. – В. Б.), рожали как Бог пошлет. Я, слава Богу, через два года волочила. Рожали и думали, может, помрет, ребенок-то. А в городе-то уважительнее относились, все штокали: што, пошто, на «вы» называли, на «ты» неприлично считалось. Здесь и дошлого узнала».

Сказать, сколько детей в семье выживало из общего числа, – довольно сложно. Голод, войны, эпидемии резко увеличивали в отдельные годы детскую смертность. Во всяком случае, во многих крестьянских семьях в живых оставалось меньше детей, чем умирало. К. А. Вологжанина (1925) помнит: «У моих родителей было четырнадцать детей, взрослых осталось только шестеро: три брата и три сестры. Мама меня родила

в хлеву, у овец, на навозе.

Сразу после родов пошла баню топить».

Мы совершенно забыли, что еще совсем недавно в деревнях свирепствовала оспа, смертность от которой была велика. «До моего рождения пять детей умерло от черной оспы, и родители очень боялись, что я тоже умру. Страшная была оспа, дети сильно мерли. Лицо становилось корявое, дети оставались слепыми. Смерть очень оплакивали. При горе в доме было как-то нехорошо» (А. И. Петрова, 1916).

Глубже жалели и сильнее оплакивали смерть уже подросших детей-помощников. Хозяину, конечно, был ближе сын, а хозяйке – дочь. Причем между детьми могли быть значительные перерывы. Петр Петрович Малых (1917) помнит такой эпизод: «К рождению детей у нас хорошее отношение было. Нас двое с братом сначала было. До тринадцати лет двое. А потом Нина родилась, так еще лучше было. Девка родилась. Горя-то больно не было у нас. Брат Аркадий только умер когда, отец вышел на крыльцо и сказал: «Лучше бы сгорело все». Большой уж был, пятнадцати годов помер».

Стоит вспомнить, что страшнее пожара, оставлявшего крестьянина один на один с голодной смертью, лишавшего его смысла существования, – для крестьянина ничего

не было. Иногда причиной смерти ребенка была случайность или неосторожность. Выжившие братья и сестры сохраняли в себе память об этих семейных потерях. «Детей у нас было много, так умирали все. Восемь детей было. Вырастут, большие уж умирали. Две девочки умерли. Одна девяти лет, другая шести. Одну-то Шурой звали, другую Леной. Сварилась девочка еще у нас самоваром. Жалели больно, как не горевать. Лена умерла от черной оспы. Высокая была, светленькая. Всего два брата у меня было, Иван и Степан. Степан помер, почками болел год и помер. Ивана-то на войне убили. Оторвало ноги, подорвался на mine под Ленинградом. Все ревели: отец, мать» (И. С. Медведева, 1906).

Количество оставшихся в живых детей во многих крестьянских семьях было невелико – от трех до пяти. «В средней семье было четверо–пятеро детей. У реденького было трое. Раньше всех рожали, но умирало много, ведь их не лечили: выживет – так выживет. Нас у мамы девять было, осталось лишь трое» (Н. П. Крестьянинова, 1925). «Рожали раньше, пока не отойдут ребенки. Вон у моей бабушки было восемнадцать ребят, а выжило четверо. А работала женщина до самых родов. Да и потом недолго оставалась. Маленький спал в люльке, которая привешивалась на бадог под лестницу. Остальные спали на полатях» (Н. Ф. Стремоусова, 1922).

Немало примет было связано с обрядом крещения ребенка. Анна Кузьминична Михайлова (1911) вспоминает о себе: «А еще мать рассказывала, как родилась я. Зима тогда холодная была, понесла меня в церковь крестить. Поп смотрел – долго ли я жить буду: бросал кусочек воска в купель – если

выплывет, значит, буду, а если нет – так долго не протяну. Потом из купели брали воду и до лета хранили. Летом же выливали на грядки, говорят, урожай лучше будет. После крещения домой понесли, да и много радости-то не было – парень нужен был, а не девка. И так семья почти из одних девок была».

Мы сейчас плохо представляем не только где и как рождался крестьянский ребенок, но и как за ним ухаживали: во что пеленали, чем кормили... Все мелкие бытовые подробности уходят как вода в песок и практически не восстановимы. Послушаем вновь рассказ Павлы Алексеевны Колотовой (1909) о рождении ребенка: «Родилась я летом в самую страду. Женщины беременные до последнего дня ходили в поле, обряжали скотину. Близкие оберегали женщин от тяжелой работы. Дети рожались прямо в поле под суслоном, в сенокосном сарае. Ребенка принимала бабушка:

свекровь или мать роженицы. Она хлопала младенца по крохотной попке, вызывая крик: кричит, значит, живой. Пуп завязывали прочной холщовой ленткой. Рождение дитя сопровождалось молитвами да приговорками.

Водой, согретой в самоваре, бабушка мыла ребенка, а потом совала в рот ему сосулю – завернутый в тряпочки жеваный ржаной хлеб – и ложила в зыбку. Скрип зыбки очень сочетался с колыбельными песнями сестер, бабушки или деда. Уже через несколько дней ребенок начинал подпевать няньке: «Ао-ао-ао!» Молоко наливали в бараний рожок с надетым на него соском от коровьего вымени, пеленали длинной холщовой лентой. Легкая зыбка, сплетенная из сосновых дранок, подвешивалась на черемуховых дужках к очепу. Очеп – гибкая жердь, прикрепленная к потолку».

Порчи боялись чрезвычайно. Поэтому в некоторых деревнях матери после родов выполняли довольно замысловатые обряды. Считалось, что малые дети и роженицы очень урочливы (на них легко напустить порчу). Бабки-повитухи защищали от такой напасти. «А после родов роженицы кладутся на пол на ржаную солому, где лежат неделю. Во все это время каждый день, по два раза, согревается баня, куда она ходит в самой изорванной одежде с костылем в руке, чтобы показать, что роды ей дались нелегко – избежать «уроков», отчего можно заболеть. Из бани возвращаясь, нужно опираться на плечо повитухи или мужа. А паря новорожденного, повитуха должна приговаривать: «Рости, мое дитяtko, по часам и по минуточкам!» Бабки-повитухи, чтобы не крючило человека под старость, «правили» новорожденного: родился ребенок, «поставь» ему на место голову,

позвоночник, руки – ноги.

(Наши врачи, к сожалению, этого делать не хотят, да и не умеют.)

Ну а если ребенок обмочит взявшего его на руки постороннего человека, то уж этому человеку гулять у него на свадьбе» (Н. Н. Коснырева, 1920).

Крестины – это праздник для всей родни. Не всегда было чем отметить рождение ребенка, но собрать родню стремились. Род увеличивался еще на одного человека – усиливался... «А когда рождался ребенок, это было счастье. Как всегда, собиралась вся родня. Посередине комнаты накрывали стол. Тогда еще много не хватало. Вся родня сидела за столом. Разговаривали, пели песни. Весело было. Как было возьмут гармошку и давай плясать. Все село соберется около дома и смотрят. Это всегда было так» (Е. П. Попова, 1907).

Думаю, что и любили детей своих не меньше, чем сейчас, просто не душили родительской любовью. В. Г. Вагина (1913): «Дети? Над ими старухи водились, кормили, поили, игрались с ними. Сопровожали учиться. Дети ведь это радость наша была, отрада, как не любить-то их? Детям очень радели. Милее – то дитя уж никого нет, они и утешают. Дети – это утешенье было. Радовались, когда еще двойню принесут».

Огромная детская смертность отсеивала детей ослабленных, неполноценных. Выживали действительно сильнейшие. Во всяком случае, многие из старожилков сегодня считают именно так: «Деревни были большие, семьи многолюдные. Незыблемым принципом каждой семьи был труд от мала до велика. Трудились все в меру своих сил. В трудолюбивой семье был и материальный достаток. Там меньше было и всевозможных неурядиц. И дети там росли здоровыми людьми. Что касается неполноценных физических или при рождении, или в дальнейшем при росте их, надо отметить, что в большинстве такие дети умирали при рождении или потом в процессе жизни в малолетнем возрасте.

Родители и не пытались их спасти, так как детей в семьях было много здоровых. Среди народа обитало изречение: “Бог дал, Бог и взял”. Очень мало в деревнях и психически неполноценных детей. Дураков жалели, не обижали, а щедро наделяли» (А. П. Березин, 1921).

Страшные демографические катастрофы в России 1910–1940-х годов резко изменили состав населения страны, соотношение полов, расстановку сил в семье, отношение к детям, качество здоровья народа. Патриархальная семья разрушилась вместе со всеми своими устоями.

Источник:

Бердинских В. Роды, дети малые / Виктор Бердинских // Бердинских В. Русская деревня: быт и нравы. – Москва, 2013. – С. 176-180